

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

С. П. ТОЛСТОВ

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ *

Прежде чем перейти к существу дела, нужно внести ясность в некоторые терминологические вопросы.

Употребление термина «этнография» в дореволюционной русской, а затем и в советской науке отличается от принятого на Западе. Под термином «этнография» в западном понимании этого слова обычно подразумевается одна из узких, чисто описательных дисциплин, входящих в состав науки, известной на Западе под различными другими названиями. Так, в англоязычных странах эта наука в целом обычно именуется «антропологией», с разделением на «социальную антропологию», «культурную антропологию» (как синонимы или части которых нередко рассматриваются «теоретическая этнология» и «описательная этнография») и «физическую антропологию». Кроме того, под всем этим комплексом дисциплин обычно понимается лишь тот аспект их, который имеет дело с неевропейскими, культурно отсталыми народами бывших и еще существующих колоний. Аналогичные исследования, касающиеся народов Европы (и, добавим мы, европейского по происхождению населения Америки, Австралии и др.), обычно именуются «фольклор» или «народные знания». В германоязычных странах мы также встречаем разделение на две квази-самостоятельные науки — «Völkerkunde», куда входят этнология и этнография, и «Volkskunde» — термин по существу тождественный английскому «folk-lore», под которым подразумевается исследование традиционной культуры своего собственного народа.

Менее резко, но так же определенно это подразделение мы наблюдаем в романских странах — Франции, Италии и других, где в применении к неевропейским, преимущественно колониальным, странам употребляются термины «этнология» и «этнография», а в применении к своему народу «les traditions populaires», «tradizioni popolari» и т. п.

В дореволюционной русской и советской науке мы видим иное употребление терминов. В качестве общего термина для обозначения всего комплекса наук, исследующих специфические особенности культуры и быта народов, как европейских, так и неевропейских, употребляется один термин — «этнография». За последние годы этот термин в этом же значении получает все более широкое распространение в ряде других восточноевропейских, преимущественно славянских, стран. Начиная со времени создания Этнографического отдела Русского географического общества в 1845 г., термин «этнография» в этом смысле сохраняется в последующей русской литературе на всем протяжении истории русской науки. Термин «фольклор» в русской науке приобретает совершенно иное значе-

* Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов (Париж, июль-август 1960 г.)

ние, чем в англоязычных странах. Под названием «фольклор» в русском словоупотреблении выступает только устное народное творчество, причем отнюдь не только русское или принадлежащее украинцам, белорусам и другим народам европейской части СССР, но и устное творчество всех народов, в том числе и таких, как меланезийцы, австралийцы, бушмены и др. Соответственно наука, изучающая это устное народное творчество, получила у нас название фольклористики.

Термин «антропология» (как, впрочем, и в ряде западных не англоязычных стран) применялся и применяется у нас лишь к физической антропологии. Термин «этнология» до 1920-х гг. у нас встречался только в переводной литературе. В 1920-х гг. в ходе бурного процесса перестройки нашей этнографической науки этот термин получил на несколько лет распространение в некоторых школах советской этнографии. Однако уже к концу 1920-х гг. он вышел из употребления.

Можно задать вопрос, чем объясняется такое на первый взгляд незначительное, но на деле достаточно глубокое терминологическое расхождение между дореволюционной русской и советской наукой, с одной стороны, и наукой Запада, — с другой.

Дело в том, что в колониальных державах Запада развитие рассматриваемой науки пошло по существенно различным путям в применении к изучению колониальных народов, с одной стороны, и к изучению народов метрополий, с другой. Это и нашло свое отражение в терминологическом обособлении двух частей по существу единой науки. Для обоснования этого предлагалась даже «оригинальная» этимология термина «этнография», якобы означавшего не «описание народов», а «описание язычников» или «варваров».

В России, развивавшейся с XVI в. как феодальная многонациональная империя, оснований для этого противопоставления по существу не было. Положение русского народа — я имею в виду его основную массу — весьма мало отличалось от положения народов национальных окраин империи. Нередко оно было даже более тяжелым, особенно во времена крепостного права, когда, например в XVIII в., многие русские поселенцы Сибири стремились уравнивать себя в правах с так называемыми инородцами, причисляя себя к категории «ясашных», т. е. обложенных только специальным натуральным налогом, значительно меньшим многочисленных феодальных податей и повинностей, которые несли русские крестьяне. В соответствии с этим прогрессивная русская интеллигенция начала XIX в. не видела разницы в подходе к своему собственному народу и к другим народам Российской империи. То же отношение сохраняла эта интеллигенция на всем протяжении дореволюционного времени. После революции это традиционное в русской науке объединение отечественной этнографии и этнографии других народов, живущих как в СССР, так и за его пределами, получило еще большее основание.

Столь же существенные исторические причины лежат в основе отсутствия деления нашей науки в России и в СССР на «описательную этнографию» и «теоретическую этнологию». Уже в период, предшествовавший крестьянской реформе 1861 г., широко развернулись в России, главным образом в европейской ее части, этнографические исследования, ставившие перед собой большие теоретические и практические задачи, неотделимые от описательного аспекта нашей науки, от сбора и исследования конкретного материала¹. Еще в большей мере это единство описания жизни народов с теоретическим освещением наблюдаемых фактов сказывалось позднее, в начале XX в. и в особенности после Октябрьской революции, когда этнографы должны были решать многочисленные теоретические проблемы, связанные с коренной перестройкой жизни народов,

¹ См. Л. С. Берг, Всесоюзное географическое общество за сто лет, М.—Л., 1940, стр. 144—172.

стоявших перед революцией на самых различных уровнях социального и культурного развития².

Вообще деление наук на теоретические и описательные несвойственно русской, а тем более советской науке. Если оставить в стороне такие разделы естествознания, как, например, теоретическая физика, и весь комплекс философских наук, мы не можем привести сколько-нибудь существенного разграничения между теоретическим и описательным аспектом любой естественной или гуманитарной науки.

Сейчас мы под этнографией разумеем науку, всесторонне исследующую культурно-бытовые особенности различных народов или этнографических групп внутри того или иного народа и рассматривающую каждое явление в его историческом развитии.

Как для советской этнографии, так и для прогрессивной дореволюционной русской этнографии совершенно чуждо деление народов на «культурные» и «природные», на «исторические» и «неисторические». Именно поэтому, несмотря на всю специфику этнографии, мы включаем ее в систему исторических наук. Вместе с тем, мы рассматриваем этнографию как пограничную область, с одной стороны, между различными отраслями исторических знаний, а с другой стороны, между этими последними и рядом других отраслей гуманитарных и естественных наук, прежде всего — комплексом географических дисциплин. Если экономическая география перебрасывает мост между географическими и экономическими науками, то этнография является связующим звеном между географией и историей. Мы рассматриваем этнографию, как разветвленный комплекс научных дисциплин, группирующихся вокруг собственно этнографии, исследующей современную жизнь народа преимущественно методом непосредственного наблюдения. Наряду с собственно этнографией мы выделяем историческую этнографию (что, конечно, отнюдь не значит, что собственно этнография не является исторической наукой). Историческая этнография отличается от собственно этнографии не проблематикой и общей методологией исследования, а лишь характером источников. Здесь таковыми являются не непосредственные наблюдения, а письменные памятники или архивные актовые документы, посвященные описанию жизни различных народов. Чем ближе к нашему времени, тем больше стирается грань между этими двумя видами этнографического исследования. За последние годы советскими этнографами издан целый ряд исследований, авторы которых (Т. А. Жданко, Н. А. Кисляков, Л. П. Потапов, М. А. Сергеев, Б. О. Долгих, Л. Н. Терентьева и др.) сочетают полевую этнографическую работу с изучением литературных памятников и архивных документов³.

Второй специальной отраслью этнографической науки можно назвать палеоэтнографию, которая, также не отличаясь от собственно этнографии по проблематике и методологии, опирается на исследования археологических источников. И здесь в большинстве случаев в работах одного и того же исследователя одна и та же проблема решается на основе использования как этнографических, так и археологических полевых материалов (к категории таких исследователей относится и автор настоящего доклада, а также М. Г. Левин, Т. А. Жданко и др.)⁴.

² См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография» (в дальнейшем цит. СЭ), 1947, № 4; его же, Сорок лет советской этнографии, СЭ, 1957, № 1.

³ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1954; Н. А. Кисляков, Очерки истории Каратегина, Сталинабад, 1954; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953; его же, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957; М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, М.—Л., 1955; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, М., 1960; Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии, М., 1960.

⁴ См., например: С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; Т. А. Жданко, Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков, СЭ, 1955, № 4; М. Г. Левин, Древнеэскимосский могильник в Уэлене, СЭ, 1960, № 1.

Как специализированная отрасль этнографии должна быть отмечена особенно близкая к географическому циклу наук этническая география, в нашей стране не отделяемая от исследования материалов этнической статистики.

Пограничной областью между этнографией и литературоведением является фольклористика.

Наконец, пограничное положение между этнографией и биологией занимает антропология, которая подразделяется на ряд специализированных дисциплин (этническая антропология, палеоантропология, морфология человека).

* *

*

В последние годы исследования советских этнографов все более сосредотачиваются на ограниченном круге больших теоретических проблем, работа над которыми сочетается с постановкой широких полевых исследований, подчиненных задаче решения этих проблем. Над этими проблемами работают сотрудники как Института этнографии АН СССР — самого крупного этнографического учреждения страны, в котором сосредоточено около 300 научных работников, так и многочисленных этнографических центров в академиях наук союзных республик и в различных городах Российской Федерации⁵. Эта концентрация усилий достигается благодаря проведению ежегодных конференций этнографов попеременно в Москве и других городах нашей страны (последняя конференция состоялась в мае 1960 г. в Киеве), на которых обсуждается общая проблематика исследований. Существуют и другие формы постоянного контакта между различными советскими этнографическими центрами: совместные экспедиции, совместные издания трудов, посвященных общим для различных районов нашей страны проблемам⁶, помощь со

⁵ В системе Академии наук СССР эти проблемы разрабатываются, кроме Ин-та этнографии (Москва, Ленинград), в Ин-те русской литературы (Пушкинский дом в Ленинграде), Ин-те истории, археологии и этнографии Башкирского филиала (Уфа), в-те истории, языка и литературы Дагестанского филиала (Махач-Кала), Ин-те языка, литературы и истории Казанского филиала (Казань), Ин-те истории, этнографии и археологии Карельского филиала (Петрозаводск), Ин-те истории, археологии этнографии Молдавского филиала (Кишинев), в Секторе истории, археологии и этнографии Коми-филиала (Сыктывкар), в Бурятском научно-исследов. ин-те Сибирского отделения Академии наук (Улан-Удэ), в Секторе истории и археологии Дальневосточного филиала (Владивосток), Ин-те языка, литературы и истории Якутского филиала (Якутск); в Российской Федерации — в научно-исследовательских институтах Кабардино-Балкарской (Нальчик) и Северо-Осетинской (Орджоникидзе) АССР, Карачаево-Черкесской (Черкесск), Адыгейской (Майкоп), Чечено-Ингушской (Грозный), Юго-Осетинской (Сталинири) АО, Мордовской (Саранск), Удмуртской (Ижевск), Марийской (Йошкар-Ола), Чувашской (Чебоксары) АССР, в Московском, Ленинградском, Ивановском и Саратовском университетах, в Гос. историческом музее (Москва), музее этнографии народов СССР (Ленинград) и в ряде краеведческих музеев, Научно-исследов. ин-те художественной промышленности (Москва); на Украине — Ин-те искусствоведения, фольклора и этнографии (Киев) и Музее этнографии и художественного промысла (Львов) АН УССР; в Белоруссии — в Ин-те искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР (Минск); в Грузии — в Ин-те искусствоведения и этнографии АН ГрузССР (Тбилиси), Абхазском ин-те языка, литературы и истории (Сухуми), Научно-исследов. ин-те АН ГрузССР (Батуми), Ин-те экспериментальной антропологии АН ГрузССР (Тбилиси); в Армении — в Ин-те археологии и этнографии АН АрмССР (Ереван); в Азербайджане — в Ин-те истории, археологии этнографии АН АзССР (Баку); в Узбекистане — в Ин-те истории, археологии и этнографии и в Музее искусства АН УзССР (Ташкент), в Каракалпакском филиале Н. УзССР (Нукус), в Ташкентском университете; в Казахстане — в Ин-те истории, археологии и этнографии АН КазССР (Алма-Ата); в Киргизии — в Ин-те истории АН КиргССР (Фрунзе); в Туркмении — в Ин-те истории, археологии и этнографии АН ТуркССР (Ашхабад); в Таджикистане — в Ин-те истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (Сталинабад); в Латвии — в Ин-те истории материальной культуры АН ЛатССР и в Этнографическом музее Латвии (Рига); в Литве — в Ин-те истории АН ЛитССР и в Музее истории и этнографии (Вильнюс); в Эстонии — в Ин-те истории (Таллин) и в Этнографическом музее АН ЭстССР (Тарту).

⁶ См. например, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции (Ин-т этнографии и Ин-т археологии АН СССР, Ин-т истории АН КиргССР), т. I, М., 1956:

стороны Института этнографии АН СССР научным центрам союзных и автономных республик в деле подготовки высококвалифицированных кадров и др.

В результате всех этих мероприятий в настоящее время работа советских этнографов концентрируется вокруг трех основных, ведущих исследовательских проблем или научных направлений:

1) исследование тех процессов, которые протекают ускоренными темпами в быту и культуре многочисленных народов СССР, в недавнем прошлом стоявших на весьма различных уровнях социально-экономического и культурного развития;

2) исследование национального состава и национальных особенностей культуры и быта населения земного шара;

3) исследование процессов исторического развития народов, в недавнем прошлом не имевших своей письменности и сохранявших многочисленные пережитки ранних этапов истории человечества.

Не имея возможности дать здесь детальное освещение всех этих направлений, я лишь кратко остановлюсь на первых двух, чтобы более подробно охарактеризовать комплекс проблем, составляющих третье направление. Это обусловливается отнюдь не тем, что мы этому направлению придаем первостепенное значение, а тем, что в мировой этнографической литературе именно по этому кругу вопросов ведутся наиболее значительные теоретические дискуссии.

* * *

Работа в области первого из перечисленных направлений занимала крупное место в советской этнографической науке уже с первых после революционных лет. Больше того, — как мы отмечали выше, исследование современной жизни народов занимало крупное место в трудах русских прогрессивных ученых уже в середине XIX в.

Особо пристальное внимание этому кругу проблем было уделено в годы после второй мировой войны. Особенно широкое развитие этого направления характерно для последних лет. Оно неразрывно связано с рядом конкретных задач, поставленных перед советской этнографией важнейшими правительственными решениями, предусматривающими быструю коренную перестройку хозяйства, быта и культуры народов нашей страны. Особенно значительной является ответственность советских этнографов в изучении преобразования культуры и быта наиболее отсталых в прошлом народов, в частности народов Крайнего Севера СССР. За последние годы Институтом этнографии и другими этнографическими центрами нашей страны издана целая серия капитальных этнографических работ, посвященных исследованию современной жизни различных народов СССР, в первую очередь колхозного крестьянства отдельных республик, областей и районов — русского, украинского и белорусского, народов Прибалтики, Волго-Камского бассейна, Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири и др.⁷ Наряду с исследованием процессов, протекающих в среде колхозного крестьянства различных национальностей, за последние годы все большее внимание уделяется исследованию других общественных слоев советского общества, в первую очередь рабочего класса, формирование которого протекало в различных районах нашей страны в весьма различных условиях⁸. Наряду со ста-

т. II, М., 1959; т. III, Фрунзе, 1959; т. IV, М., 1960; Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции (Ин-т этнографии АН СССР, Ин-т истории АН ЭстССР, Ин-т истории материальной культуры АН ЛатССР, Ин-т истории АН ЛССР, Ин-т искусствознания, этнографии и фольклора АН БССР), тт. I и II, М., 1959.

⁷ Библиографию см. в нашей указанной выше работе «Сорок лет советской этнографии» (СЭ, 1957, № 5).

⁸ Библиографию см. там же; см. также: Ш. А. Наклычев, Некоторые стороны быта рабочих-нефтяников Небит-Дага, СЭ, 1959, №1; В. Ю. Крупянская, Неко-

рыми центрами промышленности России в послереволюционные годы в связи с быстрым процессом индустриализации национальных окраин СССР сформировались многочисленные новые центры, где в эти процессы оказались втянутыми народы, не только не имевшие до революции своей современной промышленности, но и продолжавшие сохранять еще в первые послереволюционные годы традиции кочевого быта и архаические формы охотничьего и рыболовного хозяйства.

Исследование протекающих на наших глазах бурных изменений в жизни этих народов представляет первостепенный теоретический и практический интерес. Работа над этой проблемой представляла значительные трудности, связанные с тем, что как в русской, так и в зарубежной литературе конца XIX — начала XX в. этой проблеме не уделялось сколько-нибудь значительного внимания. Носителем этнографических традиций считалось в эти десятилетия только крестьянство. Поэтому нам фактически пришлось прокладывать совершенно новые пути. Надо, впрочем, сказать, что в классический период развития русской этнографии в середине XIX в. значение исследования быта городского населения, в первую очередь рабочих, неоднократно подчеркивалось видными русскими этнографами.

Усиление внимания к изучению современных процессов характерно в послевоенный период не только для этнографов Советского Союза. Большой интерес представляют аналогичные исследования чехословацких и венгерских ученых⁹. Известное оживление интереса к этому аспекту этнографических исследований можно также отметить в Америке и во Франции (в последней, впрочем, этой проблемой занимаются не столько этнографы, сколько социологи¹⁰).

Второе направление приобрело в последнее время особое значение в условиях все расширяющихся международных связей советского народа и все возрастающего интереса, который проявляют широкие круги советской общественности к жизни народов зарубежных стран. Наиболее ярко оно представлено в советской науке работой большого авторского коллектива над 15-томной серией «Народы мира», шесть томов которой уже вышли в свет и получили положительную оценку как в советской, так и в зарубежной специальной литературе, а пять томов подготовлены к печати¹¹. Одновременно издается сокращенный вариант — «Очерки общей этнографии» в пяти выпусках¹². С этой проблемой связано также издание ряда этнографических монографий, посвященных отдельным народам СССР и зарубежных стран, а также издание этнографических карт, базирующихся на широком использовании статистического материала переписей населения, с привлечением других видов и источников, и

те аспекты этнографического изучения рабочих, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXIX, М., 1958; А. С. Куняцкий, К вопросу о методике этнографического изучения рабочих Украины, там же; В. Е. Гусев, Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала, «Уч. записки Челябинского пед. ин-та», т. I, вып. 1, Челябинск, 1956.

⁹ См. монографии, посвященные быту рабочих старых индустриальных центров Чехословакии: «Banická dedina Zakarovce», Bratislava, 1956; «Kladensko. Život a kultura lidu v průmyslové oblasti», Praha, 1959, а также сборник, посвященный вопросам изучения различных форм современного быта, в частности рабочих, — «Acta Ethnografica», т. V, Budapest, 1956.

¹⁰ E. D. Chapple, Applied anthropology in industry, «Anthropology to-day», Ed. Kroeber, Chicago, 1954; P. Chombert Lauwe, La vie quotidienne des familles ouvrières, Paris, 1956; «Paris et l'agglomération parisienne», тт. I и II, Paris, 1952; «Urban Sociology», UNESCO, Paris, 1955; Lagasse, Niveau et manifestation de culture chez les ouvriers de la grande industrie, Paris, 1948.

¹¹ Вышли тома: «Народы Африки», 1954; «Народы Сибири» и «Народы Австралии и Океании», 1956; «Народы Передней Азии», 1957; «Народы Америки (в двух полутамах)», 1959; подготовлены к печати: «Народы Индостана»; «Народы Кавказа» и «Народы Средней Азии» (по 2 полутама).

¹² Вышли выпуски: «Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка», М., 1957; «Зарубежная Азия» и «Азиатская часть СССР», М., 1959, в печати — «Зарубежная Европа» и «Европейская часть СССР».

построенных на базе нового метода этнографического картографирования — совмещения показа этнического состава с показом плотности населения¹³. Надо отметить также подготовку ряда историко-этнографических атласов (сибирского, русского, среднеазиатского, кавказского).

Важнейшими из теоретических проблем, связанных с этим направлением, являются проблемы классификации народов, происхождения различных национальных и этнических групп, формировавшихся на различных этапах исторического развития.

Переходя к характеристике наших работ по третьему из указанных направлений, мы должны снова вернуться к важнейшему с нашей точки зрения тезису советской этнографической науки. Это — положение о том, что этнография является прежде всего исторической наукой и что в основе методологии любых этнографических исследований, в том числе и исследований, касающихся ранних этапов развития человеческого общества и его культуры, лежат те же методологические принципы, которые применяются в любых других отраслях исторического знания. Именно с этим связано отмечавшееся выше резко отрицательное отношение советских этнографов к делению народов на «исторические» и «не исторические». С самого момента выделения человечества из животного мира человек становится активным творцом истории, вне которой не может быть понято ни одно явление общественного строя, быта и культуры ни одного народа, на какой бы примитивной стадии развития он ни стоял.

Основными объектами этнографического исследования являются не искусственные конструкции вроде «культур» или «моделей культуры» и т. п., а конкретные народы, каждый из которых имеет не менее богатую и сложную историю, чем любой из современных цивилизованных народов, будь то английский, французский, индийский, китайский или русский. Именно народы являются конкретными субъектами истории.

Изучение истории, бесписьменных или младописьменных народов отличается от изучения истории народов с древней литературной традицией только гораздо большей сложностью и трудностью, необходимость прибегать к таким видам источников, которые мало используются в других областях исторического исследования. Среди этих источников ведущее место занимает собственно этнографическое исследование — непосредственное наблюдение жизни народов. Однако оно является не единственным источником нашего исследования. Там, где мы располагаем археологическими материалами или — для более позднего периода — письменными памятниками, обычно считающимися историческими источниками в первую очередь, этнограф опирается, как мы отмечали выше, на всю совокупность этих материалов. Чем дальше, тем больше, в связи с накоплением материалов, эти новые для этнографии виды источников входят в нашу работу как неперемное условие ее успеха.

Одним из чрезвычайно важных элементов исторической науки является хронология. Без твердой хронологической базы никакие социальные или историко-культурные построения не могут быть до конца

¹³ Вышли карты: Народов Индостана (М., 1956); Народов Китая, Монгольской Народной Республики и Кореи (1959); Народов Индокитая (1959). Подготовлены: Карта народов мира; Народов Африки; Народов Индонезии и Филиппин; Народов Передней Азии. О методе см.: П. И. Кушнер (Кнышев), Методы картографирования национального состава населения, СЭ, 1950, № 4; П. Е. Терлецкий, Об опыте этнического картографирования (на примере составления этнической карты Южно-Африканского Союза), СЭ, 1952, № 2; его же, О новом методе этнического картографирования (К вопросу о составлении этнической карты мира), СЭ, 1953, № 1

доказаны, так как остается место для различных произвольных толкований. Если еще недавно большинство этнографов считало вполне удовлетворительным установление лишь относительной хронологии этнографических явлений, то на современном уровне развития всего комплекса исторических знаний этого совершенно недостаточно. Абсолютная хронология, конечно, не может базироваться только на собственно этнографических данных, по самой своей природе охватывающих крайне ограниченный хронологически отрезок времени. Здесь и выступают на первое место другие перечисленные выше виды исторических источников, без всестороннего учета которых сейчас уже невозможно полноценное этнографическое исследование. Ограничусь приведением лишь двух-трех примеров, показывающих, насколько значительную роль в современном исследовании играет абсолютная хронология этнографических явлений.

Упомяну о проблеме происхождения оленеводства, занимающего в этнографической литературе очень крупное место. Еще не так давно эта отрасль хозяйства рассматривалась как одна из наиболее древних форм скотоводства, восходящая чуть ли не к палеолитическим традициям. Сейчас работами советских этнографов и археологов¹⁴ твердо доказано, что оленеводство — это очень позднее историческое явление, зародившееся на грани дохристианской и христианской эры у народов, предки которых некогда были знакомы с разведением рогатого скота и лошадей и освоили оленеводство как главную отрасль хозяйства в связи с одной из хронологически последних крупных волн заселения северных окраин Евразии.

Сибирское шаманство считалось одной из весьма древних форм религии. Сейчас в свете всей совокупности доступных источников можно считать твердо установленным, что специфически характерные для Сибири формы развитого шаманизма также относительно очень позднее явление, связанное с влиянием великих религий Древнего Востока, прежде всего северного буддизма. Столь же поздним, базирующимся на тесных экономических связях народов Евразийского севера с древними центрами цивилизации Востока, мы считаем и такое явление, как широкое распространение на Севере патриархальных институтов, сочетающихся с разнообразными и весьма сильными пережитками матриархата¹⁵.

Можно было бы бесконечно множить примеры и в отношении целых крупных областей и в отношении отдельных народов.

Однако уже три приведенных примера показывают, насколько зыбки некоторые широко распространенные этнографические «теории», последователи которых не учитывают элемента абсолютной хронологии и не исследуют (прежде чем делать общеобязательный вывод) историю конкретных бесписьменных народов, — такие, как, например, теория извечного кочевого патриархата северных народов.

Длительное и тщательное изучение конкретной истории отдельных, в недавнем прошлом отсталых бесписьменных народов нашей страны, а также, насколько это для нас доступно, истории аналогичных народов зарубежных стран, позволило нам воссоздать в общих чертах требующую, конечно, уточнения в своих деталях общую картину исторического развития первобытного человечества. Эта проблема имела большое значение в первые послереволюционные годы, когда, как мы отмечали выше, большое число прежде отсталых народов нашей страны оказалось втянуто в грандиозную реконструкцию всех основ хозяйства, обществен-

¹⁴ А. Н. Максимов, Происхождение оленеводства. «Уч. записки РАНИОН», VI, М., 1928; С. П. Толстов, Основные задачи и пути развития советской этнографии. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950; Г. М. Васильевич и М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, СЭ, 1951, № 1.

¹⁵ Б. О. Долгих и М. Г. Левин, Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири, Сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XIV, М., 1951.

ной и культурной жизни. Она особенно важна сейчас, когда к самостоятельному развитию и активному участию в политической жизни человечества приобщаются огромные массы прежде (не по своей вине) отсталых народов бывших и еще существующих колоний в Азии и Африке, а также значительная часть населения Латинской Америки.

Отправной точкой для наших исследований является выдающийся труд прогрессивного американского ученого минувшего столетия Л.-Г. Моргана «Древнее общество», заслуживший в свое время высокую оценку Маркса и Энгельса и легший в основу замечательного труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Новейшие исследования советских этнографов показали, что в то время как отдельные частные положения Моргана устарели и должны быть пересмотрены в свете новых данных, основная идея Моргана — идея прогрессивного развития человечества на базе развития материальных производительных сил общества — и важнейшие частные положения этого исследования, в особенности положение о ведущей роли в истории первобытного человечества материнско-родовой организации, остались не только не поколеблены, но подкрепляются всей совокупностью вновь накопленного материала ¹⁶.

* *
*

Первый этап истории человечества, реконструируемый нами не собственно этнографическим, а лишь по археологическим и палеоантропологическим материалам, это длительный, охватывающий несколько сот тысячелетий период, отделяющий первые ископаемые формы гоминид от современного вида человека. Мы располагаем далеко еще недостаточным материалом для характеристики этой эпохи, которую в нашей литературе принято называть эпохой первобытного человеческого стада. Но именно в ее рамках шел длительный процесс освобождения человека от многочисленных архаических признаков, унаследованных им от его животных предков, процесс развития и сложения тех высокоспециализированных признаков, — в первую очередь развитого головного мозга и связанных с ним органов речи, — которые характерны только для современного вида человека. И в ту эпоху существовали локальные разновидности и самого человека и его культуры, но ни то, ни другое не нашло своего последующего отражения в современном человечестве, претерпевшем уже на заре своей истории столь глубокие и значительные качественные изменения, что оказывается уже невозможным перекинуть, хотя бы гипотетические мосты между отдельными локальными особенностями первобытных человеческих стад и последующими аналогичными особенностями современного человека.

Начало верхнего палеолита — это эпоха, для исследования которой мы не только вправе, но и обязаны широко использовать с необходимыми поправками на время и место обильный материал, собранный на протяжении последних двух столетий самоотверженным трудом этнографов у различных отсталых народов земного шара. Хотя, вопреки мнению некоторых этнографов, современная наука доказывает со всей убедительностью, что до нашего времени не сохранился ни один народ, стоящий на ступени верхнего палеолита (не говоря уже о среднем палеолите, к которому вопреки фактам некоторые исследователи относили бесчелю-

¹⁶ С. П. Толстов, К. Маркс и Л.-Г. Морган, СЭ, 1956, № 1; его же, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, там же; М. Г. Левин, История эволюция, диффузия, СЭ, 1947, № 2; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, Сб. «Родовое общество» (цит. выше); Д. А. Ольдерогге, Некоторые вопросы изучения систем родства, СЭ, 1958, № 1.

вечно истребленное население Тасмании), однако для понимания материальной культуры человека верхнего палеолита, как и его духовной культуры, отраженной в великолепных памятниках верхнепалеолитического искусства, этнографический материал, прежде всего материал по тем же тасманийцам и австралийцам в момент их соприкосновения с европейцами, совершенно необходим.

Для всей обширной исторической эпохи, охватывающей время от начала верхнего палеолита (ориньяк) до мезолита и раннего неолита, характерны охотничье полуседлое хозяйство, изощренно высокая техника изготовления орудий из кремня и кости, материнско-родовая организация — основа общественной структуры первобытного общества — и специфические формы первобытной религии, известные под именем магии, тотемизма и фетишизма. Относительно узкий экологический ареал расселения первобытного человечества в ту эпоху, когда все еще не были заселены такие страны, как весь гигантский материк обеих Америк и Австралия вместе с Океанией, обуславливает сравнительно незначительную дифференциацию типов культуры на всем протяжении все же обширной и в ту эпоху территории эйкумены.

Хотя процесс исторического развития в связи с накопленными за огромный предшествующий период материальными и духовными достижениями человечества шел значительно быстрее, чем в эпоху первобытного стада, однако все же изменения, происшедшие в культурном развитии человечества за несколько десятков тысячелетий, были весьма невелики по сравнению с теми, которые произошли за гораздо более короткий последующий исторический период.

Эпоха неолита охватывает всего лишь несколько тысячелетий. Однако за это время человечество обогатилось огромным количеством достижений, прежде всего в области материальной культуры. Важнейшими из этих нововведений в начальную эпоху неолита являются открытие такого орудия, как лук и стрелы, внесшего переворот во всю технику первобытной охоты, а затем, на первый взгляд менее существенное, но на деле еще более значительное открытие, резко изменившее весь пищевой рацион человечества и значительно расширившее ассортимент пищевого сырья, — открытие изготовления керамики. Конечный этап этого периода знаменуется появлением подготовленного тем же изобретением керамики земледелия, глубоко революционизировавшего все первобытное хозяйство и являющегося до сих пор основным способом добывания пищи современного человека, а также открытием металлов, в первую очередь меди, подготовившим переход к настоящей индустриальной революции, которой заканчивается тот период истории, когда все человечество стояло еще на этапе господства первобытной общины в ее материнско-родовой форме, одинаково характерной как для эпохи верхнего палеолита, так и для эпохи неолита.

Все перечисленные, а также и не упомянутые нами здесь открытия, с одной стороны, повели к чрезвычайно быстрому росту плотности населения, явившейся причиной стремления тогдашнего человечества к освоению новых территорий, а с другой стороны, сделали возможным само освоение этих территорий, зачастую с экологической точки зрения резко отличавшихся от традиционных мест первоначального обитания человека. Вопрос о палеолитическом возрасте некоторых археологических памятников Америки является до сих пор дискуссионным. Однако безотчетливо к решению этого вопроса можно с определенностью утверждать, что основной поток заселения Америки датируется временем не раньше раннего неолита.

Именно на эту эпоху падает заселение первобытным человеком Нового света, да и в Старом свете разворачиваются процессы открытия и расселения областей, остававшихся ранее необитаемыми. Именно этот процесс великого расселения человечества приводит в конце неолитиче-

ской эпохи и на заре века металла к образованию многих локальных вариантов человеческой культуры, обусловленных прежде всего многообразием источников существования на осваиваемых человеком территориях. Этим временем датируется возникновение хозяйственно-культурных типов, учение о которых разработано советскими этнографами¹⁷.

Этим же разнообразием географических условий в ту эпоху обусловлено начало формирования современных человеческих рас, наиболее значительные различия которых связаны с адаптивным приспособлением к различным условиям географической среды; влияние ее, хотя уже к этому времени очень сильно уменьшившееся, все же накладывало известный отпечаток на имевшие второстепенное значение внешние физические признаки человека (цвет кожи, строение лица, форма волос). Дальнейшее развитие человеческой культуры фактически почти полностью снимает адаптивное значение этих признаков, которые являются лишь не имеющим сейчас никакого практического значения пережитком, унаследованным современным человеком от эпохи «первобытных географических открытий»¹⁸.

Эпоха неолита и перехода к веку металла, являющаяся, как мы видели, временем формирования значительных локальных различий в культуре человечества, вместе с тем представляет собой эпоху, когда впервые проявилось значительное различие в темпах прогрессивного исторического развития населения различных экологических зон. Нужно выделить зону особо быстрого развития — зону интенсивного земледелия на базе искусственного орошения, где уже более 5 тысяч лет назад начинают складываться первые государственные образования, связанные с возникновением древнейших антагонистических обществ в наиболее архаической раннерабовладельческой форме (древние Месопотамия и Египет, несколько позднее — область бассейна Инда, еще позднее — область бассейна Хуанхэ).

Подавляющее большинство современных цивилизованных народов продолжает в эту эпоху, охватывающую IV — II тысячелетия до н. э., жить первобытным хозяйственным и общественным строем. Лишь следующая «промышленная революция», связанная с открытием железа как основного материала изготовления орудий, влечет за собой значительное расширение области древних цивилизаций, охватывающей к концу I тысячелетия до н. э. и в I тысячелетии н. э. огромное пространство от Гибралтара на западе до Тихого океана на востоке, включая обширную территорию субтропического, а частью и тропического земледелия на юге и области земледельческой культуры умеренного пояса на севере. На этот исторический период падает время высшего развития рабовладельческой формации антагонистического общества, время ее длительного кризиса и перехода к следующей за ней феодальной формации, обусловленного дальнейшим прогрессивным развитием производительных сил общества¹⁹. Только на крайней периферии Старого света,

¹⁷ С. П. Толстов, Очерки первоначального ислама, СЭ, 1932, № 2; его же, Этнография и современность, СЭ, 1956, № 1; М. Г. Левин, и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, СЭ, 1955, № 4; А. А. Формозов, Этно-культурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.

¹⁸ См. Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955; С. А. Семенов, О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа, СЭ, 1951, № 4; его же, Проблемы происхождения волосного покрова современного человека, «Антропологический сборник», II, Труды Ин-та этнографии, т. L, 1960.

¹⁹ С. П. Толстов, Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 103; С. P. Tolstov, Les résultats des travaux de l'expédition archéologique et ethnographique de l'Académie des sciences de l'URSS au Khorezm en 1951—1955, «Arts asiatiques», t. IV, f. 2, стр. 83—112; f. 3, стр. 183—198.

удаленных от древних центров цивилизации областях, преимущественно в субарктических и арктических районах на севере и в особенно суровых югах тропиков, еще сохраняются значительные массивы населения, живущего по-прежнему первобытно-общинным строем, хотя в ряде случаев несущем на себе сильные влияния древних цивилизаций. Надо оговориться, что и внутри очерченной выше зоны древних цивилизаций, в горах и пустынях, в тропических лесах также сохраняются условия для переживания первобытно-общинных институтов. Именно в этих областях, прежде всего на отдаленной периферии тогдашнего цивилизованного мира, получают развитие поздние, свойственные только им формы первобытно-общинного строя, в первую очередь патриархально-родовая организация²⁰.

Особо надо отметить области Нового Света. Значительное отставание в культурном развитии Америки и особенно Австралии и Океании является одной из весьма важных и спорных историко-этнографических проблем. В результате своих исследований советские этнографы приходят к выводу, что причиной такого отставания является сам надолго затянувшийся процесс освоения этих весьма отличных в экологическом отношении от Старого Света областей. Наиболее передовая для своего времени область Латинской Америки — область культуры майя — хронологически запаздывает в своем развитии по сравнению с передовыми уровнями цивилизациями Старого Света на два-три тысячелетия. Соответствующее запоздание может быть констатировано и для других экологических районов американского континента. По времени это отставание целиком покрывается длительной эпохой первоначального заселения континента. Этот же критерий с известными поправками на специфические географические условия может быть применен к объяснению причин задержки в историческом развитии коренных народов Австралии и Океании²¹.

В результате всего изложенного выше к началу нового времени, к эпохе великих географических открытий и началу эры колониализма, времени зарождения в рамках феодального общества и дальнейшего развития новой, последней антагонистической формации — капиталистической, культурная этническая карта человечества представляла весьма сложную картину, до сих пор являющуюся объектом постоянных дискуссий среди этнографов, историков и социологов. Эта картина еще более усложняется вследствие искусственной задержки развития ряда народов, в том числе и передовых для своего времени, в результате превращения их в объект колониальной эксплуатации. Попытки объяснить это многообразие уровней социального и культурного развития различных современных народов расовым критерием или критерием якобы извечно приписанных различным народам «моделей культуры» не выдерживают критики при сопоставлении с фактами. Эти различия могут быть удовлетворительно объяснены лишь как результат различных условий, в которых протекало историческое развитие конкретных народов.

Сейчас, в эпоху сосуществования последней, капиталистической формы антагонистического общества с новой, прогрессивной формой — бесклассового социалистического общества, когда кончается эра господства колониализма и народы мира, в том числе и наиболее отсталые, выходят на широкую дорогу равноправного развития в рамках суверенных государств, правильное решение этой проблемы становится особенно актуальным. Мы несколько не сомневаемся, что общими усилиями исследователей различных стран эта проблема будет полностью разрешена.

²⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 282—338 (Экскурс III — «Путь прибантов»).

²¹ См. «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., 1956, стр. 24—33; «Народы Америки», I, под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева, М., 1956, стр. 10—24, 53—54.

SUMMARY

In pre-revolutionary Russian and in Soviet science, the term «ethnography» is used to denote the entire group of sciences dealing with the specific features of the culture and life of both European and non-European peoples. This use of the term differs from that current in the West where it denotes a narrow, descriptive branch of learning—a component of a comprehensive science called anthropology. Anthropology there implies the study of non-European, culturally backward peoples; the same studies with regard to peoples of European origin are called folklore.

The division of peoples into «cultural» and «natural», «historical» and «non-historical» is alien to Soviet scientists, and for this reason they consider ethnography to belong to historical sciences. Along with ethnography proper, which investigates the contemporary life of peoples through direct observation, there exist historical ethnography (based on studies of written records) and paleoethnography (based on studies of archeological sources).

At present research by Soviet ethnographers is centred around three main problems:

I) Studies of the processes proceeding at a rapid pace and affecting the way of life and culture of the peoples of the USSR, who recently were in widely differing stages of socio-economic and cultural development. The extensive elaboration of this trend of research is specified by the rapid, radical rebuilding of the economy, way of life and culture of the Soviet peoples. In the post-war period the USSR Academy of Sciences, Institute of Ethnography and other centres of ethnographical research published a whole series of articles and fundamental works dealing with the present-day life of the peoples of the USSR.

II) Studies of the national composition and national features in the culture and way of life of the peoples of the world. Considerable groups of authors are working on the fifteen-volume «Peoples of the World» series (of which six volumes have already come off the press) and «Surveys in General Ethnography» (five fascicles). A series of detailed ethnographical maps is also published (population maps of Africa, Western Asia, etc.).

III) Studies of the processes of historical development of those peoples who had recently had no written language of their own and retained numerous vestiges of the earlier stages of human history. Studies of the concrete histories of different peoples of the Soviet Union and other countries, recently backward and lacking an alphabet of their own, enable us to recreate the general aspects of the historical pattern of mankind's development. During the first stage (the primitive horde) a lengthy process occurred whereby man gradually lost the features handed down from his animal forebears. The Upper Paleolithic is characterized by a semi-settled hunters' economy, well-developed techniques of manufacturing flint and bone tools. This period saw the emergence of the matriarchal tribal system—the basis of the social system of prehistoric society. The limited area of the settlement of early mankind (the Americas, Australia and Oceania still had no human population) accounted for a relatively insignificant differentiation of cultural types. The Neolithic and the early Metal Age were marked by numerous achievements in the sphere of material culture (invention of the bow and arrow, manufacturing of ceramics, discovery of copper). At that period the New World was populated and the formerly uninhabited areas of the Old World settled; different economic-cultural types emerged, and the modern human races took shape in the process of adjustment to different geographical environments. The prevailing system at that time was the primitive-communal system.

The manufacture of iron tools and the general progress of production led to the rise of a class, slave-holding society; the only areas to which it did not spread were the extreme outlying parts of the Old World (the subarctic and arctic territories in the North) and the tropical zones. The considerable cultural lag of America and in particular Australia and Oceania is to be explained by the long-drawn-out process of populating and settling of those territories.

By the beginning of the modern period—that of the emergence and development of the capitalist system—the cultural-ethnic map of the world was rendered extremely

complicated, especially in view of the artificially retarded development of several peoples subject to colonial exploitation. It is impossible to offer a valid explanation of the existence of widely differing levels of social and cultural development of peoples today, on the basis of race distinctions or distinctions in their allegedly eternal «patterns of culture»; this is solely the result of different conditions under which the historical development of each people occurred. At the present time, when the era of colonialism is coming to an end, when the peoples of the world, including the most backward, are embarking upon the highroad of equal development within sovereign states, a correct solution of this problem is becoming increasingly urgent. There is no cause to doubt that the concerted efforts of researchers from different countries will result in a proper and final solution of the above problem.
